

А. СИДОРОВ

Последний временщик последнего царя¹

История царизма знает имена многих временщиков. Но как удалось полуграмотному проходимцу, распутнику и вору, которому народ метко заменил фамилию Новых на Распутина, пробраться к монаршему трону и почти десять лет оказывать огромное влияние на государственную политику России, несмотря на негодование не только среди либерально-оппозиционных кругов, но и среди правых, убежденных монархистов, которые считали его «разрушительной силой» для престижа царской власти и в конце концов убили в декабре 1916 года? Только ли ловкость и хитрый ум в сочетании с мистической фразеологией о «духовной любви» были причиной всевластия Распутина и его клики?

И не случайно, что об этом времени написано очень много.

Однако при всем обилии литературы, носящей в основном мемуарный характер, документальные материалы о «распутинщине» — особенно опубликованные — очень скудны.

Недавно, работая в Центральном архиве Октябрьской революции, доктор исторических наук А. Л. Сидоров нашел интереснейший документ — «Материалы чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия» [Документ с небольшими сокращениями напечатан в журнале «Вопросы истории» №№ 10 и 12 за 1964 год; №№ 1–2 за 1965 год].

Документ написан бывшим прокурором Харьковской судебной палаты Б. Н. Смиттенем, работавшим при Временном правительстве в составе Чрезвычайной следственной комиссии, организованной для допроса бывших министров и других высших деятелей царского

¹ Печатается по: Наука и жизнь. 1965. № 6. С. 100–106.

правительства. На деле Комиссии пришлось выйти за пределы чиновного окружения царя и заняться допросом, с одной стороны, общественных деятелей, то есть лиц, принадлежавших к буржуазно-либеральной оппозиции, а с другой стороны, всяких пройдох, окружавших трон. Это было необходимо, чтобы выяснить роль Распутина и других лиц, принадлежавших к кружку Распутина — Вырубовой. Известно, что Александр Блок, работавший в то время в Чрезвычайной комиссии, правил стенограммы допросов министров и других лиц, проходивших через Комиссию, и тогда же написал работу о последних Романовых.

Записка Смиттена представляет большой интерес не только для специалистов-историков, но и для более широкого круга читателей. Ее содержание заключено в 7 разделах и не ограничивается узкими рамками биографической характеристики Распутина и его окружения, но помогает понять происхождение и сущность «распутинщины».

Мы печатаем краткое изложение этого документа, подготовленное для журнала доктором исторических наук профессором А. Л. Сидоровым (кавычками выделяются слова Смиттена и показания свидетелей).

После подавления революции 1905–1907 годов началась контрреволюционная эпоха, которая, по словам В. И. Ленина, «обнаружила всю суть царской монархии, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверства семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих первых среди равных помещиков, обладающих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан, ради сохранения этой своей и своего класса “священной собственности”» [В. И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. 23, стр. 292. — Курсив Ленина]. «Распутинщина» — порождение той контрреволюционной эпохи, яркое и убедительное проявление разложения господствующего режима, а также всех классов и групп, интересы которых он представлял. Без «распутинщины» почти невозможно понять царствование Николая II. В эпоху реакции в среде испуганной революцией правящей верхушки и в аристократических слоях резко возросла тяга к религии и мистике. У подножия трона появились реакционные ханжи и проповедники, оккультисты и «святые отцы», среди которых одним из наиболее удачливых оказался Григорий Ефимович Распутин.

Г. Е. Распутин

Кто же такой был Распутин?

Вот несколько биографических данных из опубликованных материалов... Он родился в слободе Покровской, Тюменского уезда, Тобольской губернии, в 1864 или 1865 году в крестьянской семье среднего достатка. Пятнадцати лет Распутин уже начал пить водку. Дважды уличенный в краже и сильно избитый за это, Распутин вынужден был уйти из села.

Началась эпоха паломничеств, встреч со всевозможными представителями сект и вероучений хлыстовского толка, увлечения странницами. Очевидцы свидетельствуют, что после этого Распутин стал новым человеком: он бросил пить, курить, есть мясо, стал сторониться людей, много молиться, учиться читать по-церковнославянски и через месяц отправился в новое паломничество.

В течение нескольких лет Распутин перебивал в десятках обителей Сибири и России, в том числе и на Афоне. Из своих путешествий он иногда возвращался с двумя-тремя странницами, одетыми в полу-монашеское одеяние. В селе Покровском около Распутина возникает совершенно замкнутый кружок его почитательниц. «...Буйство природы в Распутине находило выход в страшном взрыве чувственности, вызвало к жизни того “блудного беса”, которого Распутин так охотно выгонял из других и с которым он, по крайней мере в первый период своей карьеры, отчаянно и безуспешно боролся».

Учение Распутина представляло бредовую смесь сектантской проповеди о единении плоти и духа. «Эта мистическая фразеология, это чередование духовных подъемов и духовных провалов наблюдается у Распутина лишь в первые годы его появления в Петербурге, а затем, начиная со второго года пребывания его в доме № 64 на Гороховой улице, начинается полное и позорное падение, и квартира его превращается в непотребный дом, где одинаково желанным гостем является и проститутка, и фрейлина и где под звуки оркестра, под пение цыганского хора, под топот, пляски пьяного Распутина кучка банкиров, маклеров, частных ходатаев и проходимцев всякого рода устраивает, и притом очень успешно, свои дела».

Проникновение Распутина в придворные круги

В высшие слои петербургской аристократии Распутин проник в конце 1904 года по рекомендации инспектора Санкт-Петербургской духовной академии, негласного духовника царя и царицы Феофана,

который, приняв его за «проникновенного старца» (этому «старцу» было тогда около 40 лет), ввел в семью великих князей.

Распутин как неглупый, хитрый человек ловко и быстро приспособился к петербургским условиям, не без искусства играя роль то этакого «народного» радетеля за правду, то знатока и критика христианских религиозных норм, то защитника трона. Любопытный и точный портрет Распутина описан В. Д. Бонч-Бруевичем, наблюдавшим его на приеме у баронессы В. И. Икскуль: «Свободной и легкой походкой вошел он в гостиную Варвары Ивановны, где ранее, оказывается, он не бывал, и с первых же слов, идя по ковру, напал на хозяйку: “Что это ты, матушка, навесила на стены, как настоящая музея, поди, одной этой стеной пять деревень голодающих прокормить можно, ишь ты, как живут, а мужички голодают...” Варвара Ивановна стала знакомить Распутина с гостями... Он тотчас же спрашивал, замужняя ли. А где муж? Почему приехала одна? Вот были бы вместе — посмотрел я вас, каковы вы есть, как живете... и очень весело, балагуря и шутя, непринужденно повел беседу. Мое внимание обратили прежде всего его глаза: смотря сосредоточенно и прямо, глаза все время играли каким-то фосфорическим светом. Он все время точно нащупывал глазами слушателей, и иногда вдруг речь его замедлялась, он тянул слова, путался, как бы думая о чем-то другом, и вперялся неотступно в кого-либо, в упор, в глаза, смотря так несколько минут, и все почти нечленораздельно тянул слова. Потом вдруг спохватывался: “Что это я”, — смущался и торопливо старался перевести разговор. Я заметил, что именно это упорное смотрение производило особое впечатление на присутствующих, особенно на женщин, которые ужасно смущались этого взгляда, беспокоились и потом сами робко взглядывали на Распутина и иногда точно тянулись к нему еще поговорить, еще услышать, что он скажет. После такого осмотра, когда он говорил совершенно о другом, обращаясь к другому лицу, он иногда вдруг резко поворачивался к тому, на кого он смотрел 15–20 минут тому назад, и, перебивая разговор, вдруг начинал протяжно говорить: “Нехорошо, мать, нехорошо, да... так жить нетто можно, смотрилось, какая ты... Рази обидой справишь... дело любовью надо... да... ну, что тут...” — и опять сразу перескакивал на другую тему или начинал быстро ходить по комнате, немного приседая и сгибаясь, быстро потирая руки. Все это производило на окружающих впечатление».

Распутинский кружок

Кружок Распутина в Петербурге составляли две различные группы. Прежде всего, это были слепо верившие в его святость нервные, часто психопатические женщины. Они относились к Распутину с мистическим

обожанием, в их душе была жажда религиозного утешения, которую не могли утолить представители пораженного маразмом официального духовенства, сами не горевшие огнем духовным и потому бессильные захватить души людей вообще, и скептически настроенной интеллигенции в частности. А таким утешением и был для них Распутин. К этой группе принадлежала несчастная, когда-то блиставшая

остроумная светская дама Ольга Лохтина, страдавшая психическим расстройством; многие другие, в том числе и ближайший друг царицы — А. А. Вырубова, потрясенная неудачным замужеством, и, наконец, сама императрица Александра Федоровна. Все эти искренние почитательницы называли его отцом Григорием, принимали у него благословение, просили молитв и назидания.

Ко второй очень многочисленной группе распутинского кружка принадлежали министры и князья, баронессы, банкиры и темные уголовные дельцы, генералы, сенаторы, тайные советники и другие чины высшей бюрократии, провинциальные батюшки, монахи и т. п. Все эти проходимцы, честолюбивые карьеристы и стяжатели богатств посещали Распутина только с целью получить протекцию при дворе, добиться денежной помощи, продвижения по службе, исхлопотать помилование уличенным в преступлениях, «урвать» от правительства прибыльные заказы и теплые местечки. Многие из них участвовали в еженощных разгульных кутежах на квартире у Распутина, с плясками и песнями под оркестр или хор цыган.

На квартире у Распутина, охраняемой нарядом сыскной полиции, бывали: Симонович, скупщик бриллиантов и антрепренер игорных притонов; красивая княгиня Т. Ф. Шаховская, которую Распутин звал «душка» и которая целовала у него руки и ноги; женоподобный князь Ф. Ф. Юсупов-младший; казначей Синода Н. В. Соловьев вместе со своей женой, ездившей к Распутину и в село Покровское; немец Гаар, хлопотавший о помиловании своей жены; высланная за темные аферы главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта Р. М. Лебен, хлопотавшая о помиловании и о возвращении в Петербург; подозреваемый в шпионаже присяжный поверенный Миклос; известный финансист Манус, считавшийся представителем немецкого капитала и поставлявший вина Распутину; не менее известный, но более сомнительный банкир Рубинштейн; известный генерал Ренненкампф и Варвара Ниценко, отмеченная в филеровских листках как женщина легкого поведения. Здесь бывали журналист Снарский и рекламировавшие Распутина журналисты Сазонов и Филиппов; сюда являлись на поклон и лица духовного звания: знаменитый архиепископ Тобольский Варнава, сосланный Синодом за сожительство

со своим келейником и через Распутина добившийся назначения настоятелем Тобольского монастыря; епископ Исидор Колоколов, игумен. Мартимиан, игумен Николай и целый ряд сельских батюшек. Сюда являлась просить об освобождении из-под стражи своего мужа жена бывшего военного министра Сухомлинова и старалась проскользнуть незамеченной под густой вуалью вдова графа С. Ю. Витте. Наконец, не стеснялись появляться у Распутина и лица, занимавшие высокие места в верховном и церковном управлении: главный управляющий собственной Его Величества канцелярией обер-гофмейстер Танеев вместе со своей женой, известный штальмейстер Бурдуков, генерал-лейтенант Мосолов, тайный советник Мамонтов, тайный советник Рогович, товарищ обер-прокурора Даманский, товарищ обер-прокурора князь Жевахов, обер-прокурор Синода Раев, товарищ министра внутренних дел сенатор Белецкий, генерал-майор Спиридович, помощник дворцового коменданта полковник Ломан со своими женой и дочерьми, фрейлина ее величества фон Мавес и, наконец, чтобы не быть узанным своими же филерами, пробиравшийся черным ходом с поднятым воротником и нарочно для этого надетыми очками управляющий министерства внутренних дел Протопопов. Другие, более предусмотрительные, или принимали его у себя, как Горемыкин, или виделись с ним у третьих лиц, как, например, Штюрмер, который беседовал с ним у коменданта Петропавловской крепости Никитина, или, наконец, встречались с ним, как А. Н. Хвостов, на особых конспиративных квартирах. Многие из этих лиц были участниками буйных кутежей на квартире у Распутина, и уж никто из них отнюдь не искал назиданий и духовных утешений...

Распутин и царская семья

Но интересны не эротические оргии Распутина, а то, как в XX веке малограмотный и наглый авантюрист стал всесильным временщиком, по воле которого падали и назначались высшие церковные иерархии и министры. Еще при Столыпине Распутин завоевал полное доверие Николая. Тупую мистическую веру в святость и способность Распутина охранять царскую семью и особенно больного наследника от всех бед уже никто не мог поколебать. Напротив, лица, настойчиво пытавшиеся открыть глаза царю на омерзительно аморальный облик «старца», теряли расположение Николая или получали отставку. Так было со Столыпиным, Родзянко, Коковцевым, Горемыкиным, Штюрмером, Хвостовым, Поливановым, Протопоповым, генералом Джунковским и другими деятелями царского режима, список которых

вплоть до убийства Распутина беспрестанно рос. Естественно, что такое чудовищное положение могло сложиться лишь в силу полного безволия и интеллектуального ничтожества последнего царя.

Император Николай II

Материалы характеризуют царя как человека ограниченного и невежественного, мировоззрение которого сложилось под влиянием яркого ревнителя идей православия и самодержавия Победоносцева.

«Николай II был человеком нервным и неустойчивым, легко поддающимся каждому влиянию извне, терявшимся в сколько-нибудь значительном обществе, религиозным, но с оттенком мистицизма».

Проницательный Распутин говорил о Николае: «А разве на него можно надеяться, он может изменить каждую минуту, он несчастный человек, у него внутри недостает», — и, учитывая это, всегда действовал через царицу, которая в противовес мужу была женщиной сильной воли, с упрямой настойчивостью проводящей в жизнь свои политические намерения и имевшей огромное влияние на Николая.

Императрица Александра Федоровна

«Встреченная по приезде в Россию враждебно русским обществом и более чем холодно вдовствующей императрицей, она мало-помалу замкнулась в тесном кругу семьи и двух-трех приближенных... Какой-то болезненный процесс происходил в психике этой женщины с сильной волей, с холодным, неприветливым лицом, не знавшей и не понимавшей России, но за отсутствием надлежащего материала не представляется возможным решить, явился ли этот процесс результатом плохой наследственности или неудачно сложившейся семейной жизни, сначала с постоянными ожиданиями обманутого материнства, а затем с постоянной тревогой за больного единственного сына и наследника. Вероятно, в силу этого болезненного процесса она увлеклась мистической стороной новой для нее религии, что было общим у нее с государем».

«Распутин — связь власти с миром»

Любопытны достоверные свидетельства, рисующие картину общения Распутина с царской семьей. Вырубова подтверждала: «Распутин часто бывал с царской семьей и вел беседы на темы своих “размышлений” [Речь идет о “благочестивых размышлениях” — серии слащаво-притор-

ных афоризмов Распутина, изданных в 1910 году в виде шести тоненьких брошюрки и представляющих смесь из мистической фразеологии и сектантских учений]. На этих беседах присутствовали и великие княжны и наследник... Государь и государыня называли Распутина просто Григорий, он называл их “папа” и “мама”. Когда хворали государыня или наследник, Распутина или приглашали к больному, или телеграммой просили у него молитв. В 1911 году, когда у наследника... было внутреннее кровоизлияние, Распутину была послана телеграмма с просьбой помолиться, и Распутин успокоил государя и государыню телеграммой о том, что наследник будет жить. В начале 1916 года государь неожиданно вернулся с наследником с дороги в ставку, потому что у наследника началось на почве гемофилии неудержимое кровотечение из носа. По приезде государя немедленно был приглашен Распутин. Я не присутствовала при том, что было дальше, но со слов государя и государыни я знаю о том, что профессор С. П. Федоров никак не может остановить кровотечение, что явился Распутин, перекрестил наследника, погладил его по голове, и кровотечение каким-то чудом прекратилось. Разве этого было недостаточно для того, чтобы снискать веру и любовь родителей, безгранично любивших ребенка».

Бывший министр внутренних дел Протопопов, к которому Распутин относился с особым доверием, свидетельствует: «Распутин — связь власти с миром, доверенный толкователь происходящих движений, ценитель людей, имел большое влияние на царя. Громадное — на царицу... Всякий другой, подходя к царю, встретил бы на своем пути волю царицы, Распутин же имел не только ее поддержку, но послушание, поклонение Вырубовой и любовь царских детей. Забота и внимание к нему были особенные; его шелковые рубашки были вышиты ею, крест на шее был золотой, на золотой цепи, и застежка была с буквой государя, разговор Распутина с царем и царицей был твердый, уверенный».

Вырубова и царская семья

Распутин не мог не понимать, что слишком частое посещение дворца и непосредственная близость к членам царской семьи чреватой опасностью разоблачений, и он очень быстро нашел абсолютно покорное и действенное орудие для своего влияния на царя в лице ближайшего интимного друга царской семьи А. А. Вырубовой.

«Вырубова была женщина более чем ограниченная, но упрямая и самоуверенная. С императрицей ее связывали общее одиночество, общий душевный излом, общая экзальтированная религиозность и утешение, которое обе они нашли в одном и том же учителе — “стар-

це”. Она была единственным другом императрицы, она сопровождала ее во всех поездках, каждый день бывала во дворце, и у нее запросто по вечерам бывают царь, царица и великие княжны...

Все это прекрасно учитывал Распутин. Представленный ей в качестве “святого провидца”, он в короткий срок сумел полностью подчинить себе недалекую Вырубову, и она искренне поверила в то, что Распутин — “посланный Богом спаситель...”. Это самовнушение стало для Распутина безотказной гипнотической силой, она стала каналом, по которому он направлял к царю и царице прошения, послушным орудием для осуществления тех или других задуманных им политических комбинаций...

Все лица, чаявшие власти, получения того или иного министерского портфеля, должны были раньше попасть в ее дом в Царском Селе и произвести на нее хорошее впечатление, чисто внешнее хорошее впечатление, потому что в государственных вопросах Вырубова по слабости своего ума и малой интеллигентности совсем не разбиралась и тем иногда приводила в отчаяние людей, которые пытались проводить через нее свои политические взгляды. Какое количество ходатайств и прошений проходило через ее руки, какое живое участие она принимала решительно во всех назначениях и политических комбинациях последнего времени, объявляя иногда тому или другому министру непосредственно волю или пожелание бывших императора и императрицы! Она вмешивалась в политическую жизнь страны не в силу своих личных взглядов и убеждений, а в силу выраженных ей Распутиным пожеланий».

М. М. Андроников

Пожалуй, наиболее колоритной фигурой среди «темных сил», окружавших трон, был черносотенный журналист и издатель князь М. М. Андроников. Этот честолюбивый и ловкий авантюрист, этот «столичный Хлестаков» участвовал во всех политических комбинациях и был крупной государственной фигурой. Деятельность князя Андроникова определялась тремя особенностями: безмерным тщеславием, необходимостью доставать деньги для разгульного образа жизни и странным сочетанием порока и религиозности, выразившимся в том, что его квартира была одновременно и часовней, и салоном...

О методах, применяемых Андрониковым для того, чтобы играть политическую роль, свидетельствует председатель правления Русско-Азиатского банка А. И. Путилов: «При крайне общительном, чтобы не сказать болтливом, характере князя, он почти с первых же дней

нашего знакомства начал, с одной стороны, сообщать мне всевозможные слухи и предположения, которые циркулировали в правящих, придворных и великосветских кругах, а с другой стороны, старался выведать у меня, что есть нового и интересного по министерству финансов по тому или иному вопросу... Удивляла роль, которую он играл или желал играть. Из рассказов его было ясно, что почти все свое время он убивает на посещение министров и высокопоставленных особ, интервьюирует их и сам рассказывает им всевозможные слухи. Было ясно и то, что министры, а в том числе и граф Витте, принимают его, чтобы быть в курсе придворных и ведомственных интриг и течений и чтобы, с одной стороны, косвенно, через него, влиять, где нужно, проводить свои взгляды и создавать сторонников своих планов, так как он имел доступ в придворные круги».

«Действуя с необычной наглостью и ловкостью, Андроников сумел “втереться” в доверие к графу С. Ю. Витте под предлогом освещения его деятельности в заграничной прессе, к дворцовому коменданту Воейкову, действуя подарками и лестью, и к многим другим высокопоставленным лицам...

Завязав сношения с Воейковым, князь Андроников пользуется им для того, чтобы поддержать кандидатуру того или иного министра, например А. Н. Хвостова. Свои отношения к Горемыкину Андроников укрепляет организацией поднесения ему адреса по случаю юбилея и изданием на русском и французском языках брошюры, посвященной его деятельности, и затем поддерживает поздравительными и приветственными письмами и маленькими подарками — сигарами, фазанами и т. п. Вырубовой посылается икона, в ее лазарет сыплются цветы, конфеты; Джунковскому, назначенному товарищем министра внутренних дел, Андроников посылает образ и бухарский халат; Макарову, назначенному министром внутренних дел, он содействует в определении в учебное заведение его единственного сына и тем приобретает его прочные симпатии. Созданными таким образом связями Андроников пользуется для проведения и устройства бесчисленного количества дел: ходатайств о помиловании, о предоставлении для разработки нефтяных участков, об ускорении оценки земель, предположенных к залогу в дворянском банке, о выдаче казенных субсидий винокурам и сахарозаводчикам, о предоставлении офицерам армии мест в тыловых учреждениях, о назначениях, переводах, пенсиях и наградах по всем ведомствам и т. п. Гонорары по этим делам шли на покрытие расходов широкой жизни князя».

Не имея никаких политических взглядов, беспринципно сочетая крайний консерватизм с развязным либерализмом, но ловко пользуясь налаженными связями, Андроников влиял на судьбы

многих министров. Так он вел кампанию против бывшего военного министра Сухомлинова; военного министра Поливанова; министра финансов Барка. Он содействовал назначению министром внутренних дел А. Н. Хвостова. Свою квартиру Андроников сделал местом для свидания с Распутиным, с Хвостовым. При содействии последнего он получил из главного управления по делам печати 16 тысяч рублей на издание «Голоса России». Но эта связь с Хвостовым оказалась для него и роковой, так как при своем падении Хвостов увлек за собой и князя Андроникова.

Министерская чехарда

Еще в 1909 году Столыпин, принимая Распутина, сказал: «Нам придется с ним изрядно повозиться». Последовавшая затем попытка Столыпина раскрыть царю глаза на истинную природу подошедшего к трону «старца» была оставлена Николаем без внимания, а вслед за этим положение Столыпина пошатнулось. И только убийство Столыпина на торжествах в Киеве, где вместе с царской семьей присутствовал и Распутин, помешало осуществлению предрешенной отставки и почетной ссылки его на Кавказ. Безуспешной была и попытка М. В. Родзянко воздействовать на царя в связи с обнародованными Илиодором письмами царицы и царевны к Распутину. С того времени царица возненавидела «этого толстяка», как она презрительно называла председателя Государственной Думы.

Напротив, духовная близость и влияние Распутина на царя и царицу все более крепились.

Особого расцвета «распутинщина» достигла во время войны. Этому способствовало также и устранение царем великого князя Николая Николаевича от должности главнокомандующего и принятие верховного командования на себя, что, по убеждению многих свидетелей, произошло под влиянием Распутина, считавшего великого князя своим личным врагом.

1915 год был критическим годом в ходе войны. Русская армия, оставшись без вооружения, потерпела тяжелое поражение. Врагу были сданы Галиция, Польша, Литва и Латвия. Военные поражения, массовая эвакуация населения потрясли государственный аппарат. Среди буржуазии усилилось оппозиционное движение. Осенью 1915 года правительство расстреляло рабочие демонстрации в Костроме и Иваново-Вознесенске. Правительство вынуждено было пойти на уступки буржуазии и заменить нескольких наиболее реакционных министров новыми. Среди вновь назначенных министров царице и Распутину

были особенно неприятны Самарин и Поливанов — военный министр. Складывалась революционная ситуация. Она выразилась в колебании верхов, в уступках «Прогрессивному блоку» и прежде всего в росте революционных настроений. Страна быстро шла к революции.

Основным вопросом внутренней политики и верховного управления государством было отношение царя к Государственной Думе. Там шла борьба партий с теми силами, которые стремились закрыть Думу с тем, чтобы упрочить положение самодержавия. Поэтому появлению в Думе царя придавалось большое политическое значение. Распутин был противником Думы, лишь поскольку там раздавались нападки против него; в политических партиях он не разбирался, говоря: «Какого чёрта в них толку, все равно, что права, что лева». И все же посещение царем в 1916 году Государственной Думы приписывалось исключительно влиянию Распутина. Материалы документа приводят свидетельство А. Н. Хвостого, говорящего об этом так:

«Месяца за 2–3 до посещения государем Гос[ударственной] Думы я получил такой филерский доклад (листок). Сидит Распутин совершенно пьяный, приехал опохмелиться, ему очень скучно, и он позвал наблюдавших за ним агентов пить с ним чай. Сидят, пьют чай, и один из них спрашивает: “Что ты, Григорий Ефимович, грустный, что задумался?”. Он ответил: “Сказано мне подумать, как быть с Государственной Думой, я совершенно не знаю, а ты как думаешь?”. Агент ответил: “Мне нельзя думать об этом, а то мне от начальства влетит”. Распутин тогда заметил: “А знаешь что... Я его пошлю самого в Думу, пускай поедет, откроет, и никто ничего не посмеет сделать”». В других обстоятельствах, когда реакционные партии начали кампанию против Думы и было признано полезным появление там царя, Манасевич-Мануйлов, по совету с Бурцевым, решил действовать через Распутина, о чем он рассказывал так: «Я поехал к Распутину и говорю: “Вот слушай, так и так говорят против Думы”. Он отвечает: “Да, да, это все клопы, которые ворочаются против Думы, но клопы кусаются и могут наделать бед”. Я говорю ему: “Ты имеешь влияние, устрой так, чтобы “папаша” (Николай II. — А. С.) приехал в Думу...” Он стал бегать по комнате, а потом говорит: “Ну, ладно, папаша приедет в Думу, ты скажи этому старикашке (Штюмеру), что есть такое предположение, что, вероятно, будет царь...”»

После отставки великого князя Николая Николаевича и отъезда царя в ставку, вызвавшего протест большинства министров, верховная власть окончательно сосредоточивается в руках Александры Федоровны и Распутина. Императрица получает от царя право направлять деятельность министров. Начинается «министерская чехарда» — отставки и назначения угодных царице претендентов на высшие

должности. Главным критерием пригодности лиц к государственной деятельности служит их отношение к Распутину — «нашему другу». Многочисленные собственные показания бывших царских министров и высших сановников — А. А. Поливанова, А. Д. Самарина, А. Н. Наумова, Б. В. Штюмерера, А. Н. Хвостова, А. Д. Протопопова и др[угих] — ярко свидетельствуют об этом. Так произошла отставка товарища министра внутренних дел генерала Джунковского немедленно после того, как им был сделан царю неблагоприятный доклад о Распутине. Та же участь постигла Коковцева, который в прямой форме высказал свое отрицательное отношение к Распутину. После этого отношение к Коковцеву со стороны императрицы резко изменилось. Как ни ценил император Коковцева, как ни трудно ему было терять такого испытанного деятеля, ему пришлось уступить... Урок, полученный Коковцевым, послужил на пользу назначенному на его место председателем Совета министров Горемыкину, который, находясь у власти, пребывал в самых дружеских с Распутиным и самых почтительных с бывшей императрицей отношениях.

Распутин и И. И. Горемыкин

Председатель Совета министров Горемыкин часто удостоивался приемов у царицы и безропотно исполнял многочисленные просьбы ее и Распутина. В материалах приводятся некоторые из записок Распутина к Горемыкину с соблюдением подлинной орфографии: 1) «Дорогой божей старче выслушай их помощи ежели возможно извиняюсь Григорий». 2) «Дорогой старче божей выслушай его он пусть твоему совет и мудросте поклонитца Роспутин». Распутин, не стесняясь позднего времени, обращался с подобными просьбами к старику Горемыкину и по телефону.

Однажды, находясь в разношерстном и подозрительном обществе, охмелевший Распутин бахвалился, что он добьется от Горемыкина отмены ликвидации, как германской собственности, огромного имущества фабрики Вальдгоф. Тут же, из телефонной будки, он позвонил Горемыкину, долго и невразумительно заплетающимся языком объяснял премьеру, что следует оставить общество «Вальков» — как называл общество «Вальдгоф» Распутин, — аргументируя тем, что оно все равно перейдет к нам и что в нем хорошие русские люди, на что получал ответы, судя по репликам Распутина, удовлетворявшие его. Один из отчетов свидетельствовал о том, что жена Горемыкина опасно больна, и поэтому Горемыкин просил повременить, а Распутин, в свою очередь, заметил, что «старуха скоро выздоровеет».

Распутин и А. Н. Хвостов

А. Н. Хвостов был целиком обязан своей министерской карьерой проходимцу Андроникову и Вырубовой. Пожалуй, вся его «деятельность» на посту министра внутренних дел — наиболее убедительное доказательство полнейшего разложения аппарата монархической власти. «Безграничное честолюбие, ненасытная жажда денег и крайняя неразборчивость в средствах для достижения того и другого превратили эфемерное пребывание у власти этого лидера крайне правых в один сплошной бульварный роман...» Этого было достаточно, чтобы последовала немилость царя к Хвостову. Будучи членом Государственной Думы, Хвостов возжелал получить министерский портфель. Он понял, что путь к этому портфелю лежит через маленький домик Вырубовой. Хвостов заручился поддержкой князя Андроникова, а позже — Вырубовой. Через Вырубову Хвостов получил аудиенцию у императрицы, о которой Хвостов рассказывает следующее: «Государыня приняла меня очень милостиво, сказала, что очень рада меня видеть; в очень милостивой форме, которую я теперь точно привести не могу, намекнула на то, что хотя я и не безгрешен по отношению к Распутину, но она надеется на то, что глаза у меня откроются; прибавила, что государь часто обо мне вспоминает, и сказала, что она не будет протестовать против назначения меня министром внутренних дел, если только охрана Распутина будет лежать на Белецком». Ловкий и хитрый интриган Белецкий, сумевший снискать доверие Распутина и Вырубовой, стал товарищем у Хвостова. Хвостов понял, что для того, чтобы укрепить свое положение, пока еще весьма непрочное, а затем предпринять какие-либо шаги к получению и портфеля председателя Совета министров, он должен, во-первых, действовать заодно с Белецким, а во-вторых, постараться расположить к себе Распутина.

Вместе с Белецким Хвостов начинает плести вокруг Распутина тонкую паутину сложных интриг, имевших целью: 1) заменить некоторых членов кабинета другими, ему более желательными, и 2) столкнуть Горемыкина и самому занять и его место. По плану Хвостова связь с Распутиным должен был взять на себя Андроников, который и будет передавать для исполнения все ходатайства, исходящие от Распутина. Андроников должен был давать на жизнь Распутину определенную сумму в 1500 рублей в месяц. Эту сумму Белецкий передавал Андроникову, а он будет частями выдавать Распутину при свиданиях с целью этим путем заставить Распутина иметь более частые с ним свидания на предмет влияния на него; кроме того, было предложено

на квартиру к Распутину приставить своего человека, чтобы знать в подробностях внутреннюю жизнь его и понемногу оттуда отдалять нежелательный элемент. Свидания с Распутиным намечено было установить на квартире Андроникова, приглашая Распутина на обе-ды в самом тесном кружке своих лиц, чтобы, не стесняясь, иметь воз-можность влиять на Распутина по тем вопросам, по коим нужно было Хвостову подготовить благоприятную почву наверху.

План Андроникова — Хвостова по обработке Распутина удался, хотя он и был нелегким. Несмотря на обильные «политические обе-ды», въедливую лесть ловкого Андроникова, систематически подкре-пляемую сторублевыми купюрами, на униженное заискивание Хвос-това, Распутин сдался не сразу. Свидания с Распутиным на квартире у Андроникова постепенно стали приносить свои плоды... Хвостову удалось провести на должность обер-прокурора Святейшего синода своего свойственника Волжина и на должность управляющего мини-стерством земледелия Наумова. Он уже начал проводить на должность министра финансов своего родственника графа Татищева и подкапы-ваться под Горемыкина, чтобы самому занять его место, и, вероятно, преуспел бы в этом, если бы у него было больше терпения, осторожности и меньше уверенности в завоеванном им доверии бывшего государя. Хвостова скоро начали раздражать бесконечные ходатайства, с кото-рыми, иногда в довольно бесцеремонной форме, Распутин обращался к нему по телефону, и многочисленные просители, которых вместе со своими записками он направлял прямо к нему в министерство, а с другой стороны, и Андроников обнаружил явную тенденцию за-полнить своими креатурами министерство внутренних дел, вплоть до высших чинов включительно.

Все это достаточно надоело Хвостову, кроме того, приближалась сессия Государственной Думы с опасными запросами, речами о без-мерно усилившемся влиянии Распутина. Хвостов стал думать о том, как бы избавиться от Распутина...

Когда Хвостов окончательно понял, что в силу охлаждения к нему Распутина ему не «свалить» Горемыкина и не занять его место пре-мьера, он, чтобы спастись от предательства Белецкого, выдавшего его Распутину, послал царю сводку компрометирующих Распутина материалов и после этого сразу получил отставку; тем закончилась карьера еще одного представителя «распутинщины».

Но и дни Горемыкина также были сочтены. Его реакционная полити-ка в отношении Думы была настолько несвоевременна, что это начали понимать даже при дворе и, боясь, что взятый им курс на закрытие Думы может стоять трона, стали готовить ему замену.

Распутин и Штюмер

Распутин сделал ставку на своего старого друга — Штюмера. Но прежде чем назвать кандидатуру Штюмера на пост председателя Совета министров, он получил от него обязательство выполнять все прошения и ходатайства, которые будут поступать к нему от Распутина. По возвращении императора из ставки под давлением Распутина состоялось назначение Штюмера на пост председателя Совета министров.

Горький опыт с Хвостовым очень беспокоил Распутина в вопросе о том, кого назначить на освободившийся пост министра внутренних дел, пожалуй, самый важный для Распутина. Его колебания любопытно освещает в своем показании комиссии Манасевич-Мануйлов: «Распутин поехал к бывшей царице. Я был у него как раз в тот момент, когда он уезжал, и он сказал: “Вот сегодня Аннушка (это Вырубова) звонила и говорила, кого же назначить министром внутренних дел?” Я сам, говорит, не знаю, кого Щегловитов хочет, но он разбойник. (Я вам доподлинные слова Распутина говорю.) Крыжановский тащит меня обедать, он хочет, но он плут... Затем Белецкий хочет. Он если меня не убивал, то, наверное, убил бы меня, а старикашка сидит, пусть он один и правит». Так Штюмер одновременно был назначен и министром внутренних дел.

Произошло, однако, то, чего Распутин не ожидал: «Штюмер, считая свое положение совершенно прочным, почти не откликнулся на просьбы Распутина. У Распутина с Вырубовой стали говорить о том, что Штюмер — человек неверный, что на него нельзя положиться, что он недостаточно считается с “мамой”, то есть с императрицей... Наконец, не посоветовавшись с Распутиным, Штюмер переменял портфель министра внутренних дел на портфель министра иностранных дел, а на должность министра внутренних дел и министра юстиции были назначены А. Н. Хвостов и Макаров, оба Распутину лично неприятные. Это вызвало охлаждение к Штюмеру императрицы... Поэтому когда против Штюмера началась кампания в Государственной Думе, то, лишенный поддержки императрицы, Штюмер должен был уйти».

Последние дни Распутина

А в это время влияние Распутина достигло своего апогея, так как фактически государством управляла императрица. Распутин же, по меткому выражению генерала Спиридовича, «был канцлером Российской империи».

Последние два месяца жизни Распутина (ноябрь-декабрь 1916 года) заполнены борьбой, которую императрица совместно с Распутиным вела против Трепова, преемника Штюрмера, и против Государственной Думы. Императрица требовала от Николая поскорее распустить Думу «на возможно более долгий срок». Считая, что Трепов «флиртует с Родзянкой», императрица доходила до крайней степени возмущения Треповым, но притом она хотела, чтобы ответственность за роспуск Думы легла на Трепова.

Рост революционного движения в столице, широкое недовольство в армии и упорное сопротивление императрицы всяким реформам, способным ослабить напряжение, толкнули правые круги на последний акт — убийство Распутина. В нем приняли участие рьяные монархисты: Пуришкевич, князь Ф. Ф. Юсупов, член царской фамилии в. кн. Дмитрий Павлович, член ЦК кадетской партии Маклаков и другие. По-видимому, монархисты решились на убийство, когда поняли, что все попытки Трепова добиться отставки Протопопова и суда над Сухомлиновым Николай решительно отвергает. 17 декабря 1916 года Распутин был убит, после чего последовала отставка Трепова.

Узнав об убийстве Распутина, Николай бросил заседание Военного совета в ставке и приехал в Петроград, но уже ничего не смог сделать для укрепления прогнившего режима, даже приверженцы которого превращались во врагов династии. И уж, конечно, он ничем не мог помешать развитию революции — охватывая все более широкие массы рабочего класса и солдат, она стремительным маршем шла к своему победному свершению.

